

Цзян Юй открыл его аватар, чтобы украдкой посмотреть на интересы брокера, но его страница в WeChat была пуста. Никаких фотографий с занятием горными лыжами, парусным спортом или гольфом, даже записей о наградах в играх не было. Он с сожалением вернулся назад:

— Конечно, это трудоголик без личной жизни.

Но поскольку контракт был в руках Лу Люкун, Цзян Юй мог только смириться:

— Господин брокер, я только что посмотрел сценарий.

Лу Люкун:

— Почему ты не спишь так поздно? У тебя хватит сил на завтра?

Цзян Юй закатил глаза и подумал: «Если бы я спал, ты бы ругал меня за то, что я не читал сценарий. Теперь, когда я не сплю, ты ругаешь меня за недостаток сил. В любом случае, я неправ».

Они находились всего в одной комнате друг от друга, и дверь была открыта, поэтому Цзян Юй не стал писать, а просто слабо пробормотал:

— У меня болит желудок, господин брокер, боль не дает уснуть, это не моя вина.

С другой стороны раздался громкий звук.

— Что за черт? — Цзян Юй приподнялся, первая мысль: «Он уронил телефон в ванной?»

Он быстро вскочил с кровати, только что открыл дверь, как увидел, что Лу Люкун выходит из соседней комнаты, смотрит на него и спускается вниз.

Цзян Юй стоял в дверях, недоумевая:

— Что случилось?

Лу Люкун не ответил. Лестница вела прямо в гостиную, и с нее не было видно балкона и кухни. Брокер Лу спустился и направился внутрь, и Цзян Юй не мог его видеть. Он осмотрелся, смущенно закрыл дверь.

Но менее чем через три минуты раздался нетерпеливый стук в дверь. Это был действительно нетерпеливый стук, ведь Лу Люкун, хотя и был трудоголиком, всегда держал себя в руках, носил очки и был спокоен. Цзян Юй никогда не видел, чтобы он так стучал.

Он открыл дверь:

— Что-то случилось? Я сейчас лягу спать...

Лу Люкун вручил ему термос с «Алмазной сутрой» и коротко сказал:

— Пей.

Он выглядел так, словно великий евнух вручает наложнице яд, не хватало только сказать: «Пей, не пей — заставлю».

Цзян Юй: [...]

Ему казалось, что следующая реплика должна быть: «Что я сделала не так?! Это все сестра виновата!», но Лу Люкун холодно смотрел на него, и он мог только открыть крышку и сделать маленький глоток.

Горячее, кислое, с послевкусием боярышника.

На самом деле, мед и боярышник не действуют мгновенно, но Цзян Юй почувствовал, что его болевые рецепторы успокоились, и тепло разлилось по желудку, словно кто-то обернул больной орган шерстяным одеялом. В то же время в его сердце поднялась странная горечь.

За все эти годы, с момента отчисления из университета, он даже в больницу ходил один. И вот, после шуточной жалобы, кто-то действительно проявил заботу, даже если это было ради работы и результатов. Он давно не испытывал такого.

Цзян Юй быстро сделал еще глоток и невнятно сказал:

— О, как сладко, спасибо, господин брокер.

Лу Люкун, казалось, все еще злился. Его длинные брови сдвинулись, и он осмотрел Цзян Юя с головы до ног, явно хмурясь:

— Что ты ел сегодня вечером?

Хотя обычно он казался спокойным и доброжелательным, и Цзян Юй его не боялся, но когда он хмурился, очки отражали разбитый свет ночника, а зрачки скрывались в тени, он неожиданно приобретал властный и грозный вид, который вызывал дискомфорт.

Цзян Юй невольно отступил на шаг, оперся на дверь и задумался:

— Кости... с моста?

Лу Люкун спросил:

— Что еще?

Цзян Юй: [...]

Он осторожно ответил:

— Белый... рис?

Лу Люкун рассмеялся.

— Ты ел только мясо?

Цзян Юй понимал, что неправ. Артисты должны избегать жирной и калорийной пищи. Он сразу же пообещал Лу Люкуну:

— В следующий раз я буду внимательнее, не подведу вас. Но...

Он развел руками:

— На самом деле, вы знаете, что у артистов с проблемами желудка есть преимущество, например, я...

Лу Люкун молча смотрел на него.

Цзян Юй немного поколебался и объяснил:

— Поскольку пищеварение плохое, я не толстею, не беспокойтесь.

Его выражение лица было таким, словно он хвалился своими проблемами с желудком.

Лу Люкун чуть не потерял сознание от злости.

Он бросил пакет с медом и боярышником Цзян Юю:

— Ладно, Цзян Юй, хватит болтать.

Он холодно сказал:

— Мои артисты не могут допускать ошибок из-за проблем со здоровьем. Заваривай в термосе годжи!

Цзян Юй:

— [...] Но ты бросил мне боярышник.

Лу Люкун хлопнул дверью.

Цзян Юй не знал, чем обидел Лу Люкуна, но у него была совесть. Он надел серые тапочки с кроликами, подошел к двери и постучал:

— Господин брокер?

Он поднял руку:

— Я действительно не толстею, у меня такая конституция, и в компании есть программа тренировок.

Ответа не было. Цзян Юй, держа термос, несколько раз обошел вокруг двери и снова пообещал:

— Мы же старые друзья, ты меня знаешь. Я подписал контракт, значит, сделаю все наилучшим образом, не проиграю Элис.

Тишина.

Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Там было темно, ничего не было видно, и Цзян Юй толкнул дверь.

Она не открылась.

Лу Люкун стоял за дверью, крепко держа ее рукой.

Цзян Юй испугался:

— Что ты делаешь за дверью?

Никто не ответил.

Цзян Юй подумал, что Лу Люкун, должно быть, очень зол. Вчера он пообещал следить за фигурой, а сегодня наелся костей, и его слова оказались пустыми. Это вполне могло разозлить Лу Люкуна. Он уперся в дверь и предложил:

— Ладно, в будущем, если я съем что-то жирное или соленое, или наберу килограмм, ты можешь оштрафовать меня на сто юаней, хорошо?

Он с сожалением подсчитал:

— Я могу дать тебе сто юаней за сегодня, а потом сообщу тебе свой текущий вес, чтобы я точно не рискнул есть лишнее.

— Цзян Юй, — Лу Люкун глубоко вздохнул, прерывая его через дверь, его хорошие манеры едва позволяли сохранять спокойствие. — Сейчас уже поздно, иди спать, а завтра сходи в больницу.

— В больницу? — Цзян Юй не придавал этому значения. — Это старая проблема, я уже обследовался, ничего не поможет. Не волнуйся, я не умру до окончания контракта.

Сила, с которой Лу Люкун держал дверь, внезапно увеличилась, и он без лишних слов вытолкнул Цзян Юя за дверь, а затем щелкнул замком, закрыв ее изнутри.

Он действительно разозлился.

Цзян Юй осторожно спросил:

— Господин брокер, вы ложитесь спать, а я пойду?

— Подожди, — Лу Люкун глубоко вздохнул, его голос донесся изнутри.

Цзян Юй внимательно слушал.

— Чтобы ты не обманул, сообщи свой вес.

Цзян Юй: [...]

Он засунул руки в карманы:

— Я думал, ты что-то серьезное скажешь, а ты просто не доверяешь моей сознательности?

Лу Люкун не стал его щадить, его голос был ледяным:

— Не доверяю.

Цзян Юй потряс телефоном:

— У входа в компанию есть сканирующий измеритель роста и веса. Я завтра измерюсь и отправлю тебе в WeChat.

Он подумал и добавил:

— Может, я сразу сообщу тебе рост и объемы, чтобы компания могла подготовить одежду, не придется дважды сообщать.

Лу Люкун чуть не уронил дверь, он привычно поправил очки:

— Нет, не надо, это не обязанности брокера...

Цзян Юй уже отошел на шаг, зевнул:

— Спокойной ночи.

На следующий день Лу Люкун проснулся с опухшими глазами.

Опухшие глаза Лу Люкуна вызвали множество пересудов на работе.

Сначала Цзи Сяошу несколько раз приносила документы, украдкой поглядывая на его глаза. Затем Элис под предлогом, что в офисе нет воды, несколько раз заходил и выходил, набирая чай с хризантемами, и за утро трижды сходил в туалет. Затем они собрались вместе, работая и шепчась.

Цзи Сяошу:

— Элис, ты просто пророк, господин Лу действительно стал с опухшими глазами.

Она подмигнула:

— Ты использовал какую-то куклу вуду, чтобы проклятие сработало, когда господин Лу согласится?

Элис с презрением ответил:

— Это пережитки феодализма, крайне нездоровое мышление.

Он сложил руки:

— Я следовал призыву божества слов, активировав великий навык заклинаний.

<http://bllate.org/book/16317/1472291>